

УДК 811.512.31: 81'282.4

С. Мөнхсайхан

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОВОРОВ БУРЯТ МОНГОЛИИ

Статья посвящена экспедиционным исследованиям говоров бурят, проживающих в Монголии. В статье рассмотрены полевые материалы, собранные монгольскими учеными в 1960–1980-е гг. в Дорнодском, Хэнтэйском, Селенгинском, Хубсугульском, Булганском аймаках. В работе проанализированы экспедиционные материалы по бурятскому языку, хранящиеся в Фонде национальной письменности и фольклорного наследия Института языка и литературы АН Монголии. По мнению автора, экспедиционные материалы характеризуют: 1) говор онон-улзинских бурят; 2) говор эг-уринских бурят; 3) говор селенгинских бурят; 4) говор хамниган и баргутов. Автор, отмечая, что хотя полевые материалы по бурятским диалектам достаточно отражены в научных публикациях, вместе с тем подчеркивает, что экспедиционные материалы, собранные в 1976–1977 гг. в Хубсугульском, Булганском, Хэнтэйском, Дорнодском аймаках, до сих пор не введены в научный оборот.

Ключевые слова: бурятские говоры, полевые исследования, говор агинских, хоринских, селенгинских, тункинских, санагинских бурят.

S. Monkhsaikhan

FIELD STUDIES OF BURYAT DIALECTS OF MONGOLIA

This article is concerned with field research on dialects of the Buryats residing in Mongolia. The article considers field materials gathered by Mongolian scholars in the 1960s–1980s in Dornod, Khentei, Selenge, Khubsugul and Bulgan aimaks of Mongolia. The article analyzes field materials on the Buryat language kept in the National Script and Folklore Heritage Fund of the Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences. According to the author, these field materials characterize the following dialects: 1) dialect of Onon-Ulzin Buryats; 2) dialect of Eg-Ur Buryats; 3) dialect of Selenge Buryats; 4) dialect of Khamnigans and Barguts. The author notes that though field materials on Buryat dialects have been widely reflected in scholarly publications, the field materials gathered in 1976–1977 in the Khubsugul, Bulgan, Khentei and Dornod aimaks still have not been introduced into academic use.

Key words: Buryat dialects, field studies, dialects of Aga, Khori, Selenge, Tunka and Sana-ga Buryats.

Институт языка и литературы Академии наук Монголии с начала 1950-х гг. ежегодно проводил полевые исследования в аймаках для сбора фольклора, лингвистического материала по монгольским говорам, письменных памятников и т. д. Кроме этого, приглашали и записывали на магнитофон знающих улигеров, старинных народных песен и традиций, обычаев. В этой работе

активное участие принимали ведущие сотрудники Института: академик Б. Ринчен, Ц. Дамдинсурэн, А. Лувсандэндэв, проф. Э. Вандуй, академик Д. Цэрэнсэдном, П. Хорлоо, Х. Сампилдэндэв, Ж. Цолоо, фольклорист У. Загдсурэн и др. Ими проведена огромная работа по сбору фольклорного, этнографического, языкового материала по всем монгольским диалектам. Весь собранный ими

материал хранится в рукописном фонде Института в 450 папках, объемом в 100 тыс. стр.

Буряты в Монголии по численности составляют 2,8 %, в среде монголов они составляют 3 %. В 1956 г. их число составляло 24,6 тыс., в 1963 г. – 28,5 тыс., в 1979 г. – 29,8 тыс., в 2010 г. – 40,6 тыс. чел.

Носители бурятских говоров компактно расселены в Дорнодском, Хэнтэйском, Центральном, Селенгинском, Булганском, Хубсугульском аймаках, а также в небольшом количестве проживают в городах Улан-Батор, Чойбалсан, Ундэрхан, Дархан, Эрдэнэт. По данным 2006 г., их число составляло 40 тыс. чел. В Дорнодском аймаке (местностях Дашбалбар, Баяндун, Баян-Уула, Цаган-Овоо, Эрээнхороо, Чулуунхороот и в г. Чойбалсан) проживают носители агинского говора; в Хэнтэйском аймаке (местностях Дадал, Биндэр, Батширээт, Норовлин сомоне и в г. Ундэрхан) – носители хоринского или онон-улзинского говора. В сомоне Батширээт Хэнтэйского аймака проживает несколько семей – носителей байкало-кударинского говора. В Селенгинском аймаке в сомонах Кудара, Ероо, местности Уялга, городах Сухэ-Батор, Дархан, Улан-Батор проживают носители цонгольского диалекта; в сомоне Тэшиг Булганского аймака – носители закаменского (санагинского) говора. В сомонах Цаган-Уур, Хатгал, Ханха Хубсугульского аймака проживают носители тункинского говора [6, с. 5].

Сотрудниками Института языка и литературы Академии наук Монголии организовано и проведено около 10 лингвистических экспедиций (Ж. Цолоо провел экспедиции в Хубсугульском, Булганском аймаках в 1962, 1976, 1998 гг., Селенгинском – в 1977 г., Хэнтэйском – в 1977 г., Дорнодском – в 1990 г.; Г. Гантогтох проводил экспедиции в Хубсугульском, Булганском, Селенгинском, Хэнтэйском, Дорнодском аймаках в 1976, 1979, 1980, 1982, 1983 гг. соответственно) [8, с. 248] для исследования цонгольского говора

селенгинских, иройских бурят; агинского, хоринского, хамниганского, барга-бурятского говоров дорнодских, хэнтэйских бурят, расселенных по рекам Онон и Улзы; закаменского и тункинского говоров бурят Хубсугульского, Булганского аймаков, проживающих на побережье рек Эги и Уур [Там же].

Далее представим результаты их полевых исследований в хронологическом порядке.

1. В 1962 г. были проведены полевые исследования в некоторых населенных пунктах Хубсугульского, Булганского аймаков [1].

В состав экспедиционной группы входили сотрудники Института языка и литературы АН Монголии академик Б. Ринчен, ЭША Ч. Содном, Б. Лувсан, Б. Сумъяабаатар, студенты Монгольского государственного университета М. Шинэхүү, Сүхбаатар, водитель Лхагваа.

Основной целью данной экспедиции было: 1) провести наблюдения над языком халха-монголов, бурят, урянхайцев, проживающих в бассейне оз. Хубсугул; 2) собрать материалы по языку, устному народному творчеству, традициям и обычаям этносов, собрать памятники письменности.

Члены экспедиции побывали в сомоне Цагаан-Уур Хубсугульского аймака, сомоне Тэшиг Булганского аймака. Было выявлено, что в этих сомонах проживает много бурят, которые называют себя *bar'adā*, а не *буриад*. Эти буряты жили не в войлочных юртах, а в четырех-, шести-, восьмистенных деревянных домах-юртах. Себя они относят к мунгинским (*moŋgēñ bar'adā*), тункинским (*tōñkōñ bar'adā*), санагинским (*Санагын буриад*), нуртинским (*Нуртын буриад*) бурятам.

Было отмечено, что на разговорную речь бурят достаточно сильное влияние оказывает современный письменный литературный монгольский язык (табл.).

Наблюдаются примеры, в которых на месте халхаского *-ya* буряты используют *-ay*, например, монг. *хайрга*, бур. *хайраг* // *hairay* 'точильный камень'.

К лексическим особенностям бурятского говора следует отнести следующие лексические единицы:

n`jaltag mugui bilëmerë	юм наадаг чанасан гурил модны дархан сүхээ модон дээр тавиад цохьдог муна хөхүүр
xötsò	шургааг хооронд нь чагталж хийсэн хашаа (байшин, хадлангаа малаас хамгаалах, гол руу мал гаргахгүй гэж хийнэ)
xötsòlòx jan`tšan xarγ anai xandzã šünk pëšë xòlai sereg xawtšãrà dzjanγ ai xiëxë baláxan segé xöngö	барих байшингийн тааз тогооны шүүр төмөр зуух зуухан дээр тавьж цайны сүү хөөрүүлдэг ширмэн сав шавар пийшин яндан морины уяа жааван мод тавьж хөрөөддөг ац мод эмэг зуух гүүний айраг үнээний айраг

Экспедиция в Хэнтэйский и Дорнодский аймаки в 1970 г. В мае – июне 1970 г. экспедиционная группа во главе с Э. Вандуй проводила полевые исследования в Хэнтэйском и Дорнодском ай-

маках по сбору фольклорных и диалектологических материалов. Цель данной экспедиции – определить границы функционирования халхаского, дорнодского и центрального диалектов, а также собрать дополнительный фактический материал по бурятскому, хамниганскому, баргутскому диалектам [1].

5 июня 1970 г. экспедиция проводила исследования в сомоне Баян-Уул Дорнодского аймака. Были собраны материалы по халхаскому, бурятскому языкам. Сомон Баян-Уул в прошлом являлся бурятским хошуном Улз реки Хан Хэнтэйского аймака. По данным 1970 г., численность населения составляла 3751 чел. Из них 83,8 % составляли буряты, 15,3 % – халха-монголы, 0,8 % – другие этносы. Буряты этого хошуна перекочевали сюда из Агинского аймака Российского государства в период 1910–1920 гг. По данным 2010 г., их численность составляет 3810 чел. Собранный лексический материал составляет 10 стр.: *xüngereg* / *хунгар* ‘сугроб’, *örwx* / *ерөөх* ‘благославлять’, *šexe* / *шулуун* ‘прямой’, *höñö* ‘овод’, *baxa* ‘лягушка’, *talxanγ* / *гурил* ‘мука’, *hijī* / *эсгий* ‘войлок’ и др. Кроме того, приведена сравнительная таблица лексических единиц из бурятского и хамниганского говоров (3 стр.), например:

буриад	хамниган	
huḥ	suḥ	топор
adūha	adū	лошади

Таблица

Сравнительная таблица фонем

Монг. письм. язык	Бурят.	Примеры
“и” – e	ширдэг билүү	serdëg beleü
“у” – ö	удвал	ödwoł sesëg
“ц” – s	цөцгий	süšegë
“ч” – š	чөдөр хайч	šödör xaéšã
“ш” – tš	шанага	tšanay
“с” – h	зүс ус	dzühë uhan
“х” – š	эрих	erešë
“о” – u	могой	mogui

xažūr	xadūr	коса
mōlhōṅ	mōs	лед
šiwāha	bās	памет рогатого скота
hīlex	sīlēx	гравировать
uīwul	ōgōl	зима

8 июня 1970 г. группа проводила исследования в сомоне Баяндун Дорнодского аймака. Исторические данные свидетельствуют о том, что раньше этот сомон назывался хошун Ачит бэйсы Улз реки Цэцэнхановского аймака. По данным 1970 г., численность населения составляла 1645 чел. Из них 83 % составляли буряты, 17 % – халха-монголы. По данным 2010 г. – 2800 чел. Информантами были Дашдоногийн Гонгор, Очирын Цэдэнжав, Дугарын Балбар, Дагвын Данпил и др. Собранный материал составляет 12 стр. Отмечены слова, не характерные для лексики халха-монгольского языка: *zuhalan* ‘летник’, *bāēsa* ‘скала, утес’, *biheleg* / бэлзэг ‘кольцо’, *oho* / ус ‘вода’, *tsomxo* / нуруу/, *xanza/авдар* ‘сундук’ и др.

10 июня 1970 г. группа проводила исследования в сомоне Дашбалбар. Данный сомон в прошлом входил в бурятский хошун Улз р. Хан Хэнтэйского аймака. По данным 1970 г., 99 % населения составляли буряты. По данным 2013 г., 90 % населения составляют буряты. Материал, полученный от информантов Чойдог, Сойзогмаа, Жамбал, Цэвэгмид, зафиксирован на 10 стр., например, *naraw* / хоншоорын уг/, *jālā* / жижуц/, *urgūi* / яргуй/, *sox*, *sošox*, *dūriāhan*.

16 июня 1970 г. группа работала в сомоне Цагаан-Овоо Дорнодского аймака. В прошлом данный сомон входил в состав бурятского хошуна Халхгола Хан Хэнтэйского аймака. По данным 1970 г., численность населения сомона составляла 3000 чел., из них 90 % – буряты, остальную часть представляли халха-монголы, баргуты, узэмчины. По данным 2010 г., численность населения сомона составляет 3080 чел. Буряты, проживающие в данном сомоне, став подданными

Монголии в 1924 г., прибыли в Цагаан-Овоо в 1930 г. Как отмечает Э. Вандуй, в сомоне проживают представители родов *бодонгууд*, *цагаангууд*, *шарайд*, *хубдууд*, *хуасай*, прибывшие сюда примерно в 1910 г. Собранный лексический материал зафиксирован на 16 стр., например, *šix* ‘ухо’, *šödxör* ‘черт’, *hixe* ‘топор’, *haxal* ‘борода’, *hax'ūhan*, *žāxan* ‘маленький’, *sāšā* ‘дальше’ и др.

Экспедиция в Хубсугульский, Булганский аймаки в 1976 г. [II] В соответствии с планом научных исследований Института языка и литературы АН Монголии и в рамках подготовки коллективной монографии «Диалекты Монголии» была проведена экспедиция в Хубсугульском и Булганском аймаках (с 22 сентября по 23 октября 1976 г.) для сбора материалов по халхаскому и бурятскому говорам.

Группа провела полевые исследования в сомонах Ханх, Цагаан-Уур, Тариалан Хубсугульского аймака, в сомоне Тэшиг Булганского аймака, собирая фактические данные по бурятскому говору.

В Хубсугульском и Булганском аймаках в целом проживает около 4000 бурят. В сомонах Ханх, Цагаан-Уур Хубсугульского аймака проживают тункинские буряты. В некоторых местностях сомонов Цагаан Уур и Тэшиг Булганского аймака проживают санагинские буряты. Эти буряты перекочевали в эти места примерно в 1912–1916 гг. Носители языка моложе 50 лет уже не владеют бурятским говором.

При сборе фактического материала ставились три задачи:

1. Выявить отличия данных говоров от современного монгольского литературного языка.

2. Выявить отличия языка тункинских бурят от языка агинских и хоринских бурят, проживающих в Дорнодском и Хэнтэйском аймаках.

3. Выявить отличия тункинского говора от диалектов бурят, проживающих в Прибайкалье.

Выявлены отличия языка тункинских и санагинских бурят от современ-

ного монгольского литературного языка:

а) в области фонетики:

1. s – h: *yc – uhaŋ, ts – s: цонх – сонхо*;

2. *ò, ù: òndòr–under, mòndòl, sošòd~tsotšòd*;

3. Ясные согласные в словах с переднеязычными гласными палатализуются, например: *тахиа – tax'ā, хяруу – x'irū – s'irū*;

б) в области морфологии:

различия в окончаниях родительного падежа:

1. *zasaji beleg – засгийн шагнал, төрийн шагнал*;

2. *būni zamaγ – бууны замаг*;

3. *xadòd – хад өөд*;

в) в области лексики:

1. *atlāyā – Мод ухаж хонхойлдог багаж ‘инструмент для выдалбливания отверстий в дереве’*;

2. *šayāwāγ – цонх ‘окно’*.

При рассмотрении лексических единиц этой группы выявлено, что они относятся в основном к лексико-семантическим группам «Жилище», «Предметы быта», «Посуда», «Орудия труда», «Слова, характеризующие масти животных».

Отличия от языка дорнодских, хэнтэйских бурят:

а) в области фонетики: хотя фонемный состав в языке тункинских, санагинских и дорнодских, хэнтэйских бурят идентичен, есть отличия в произношении аффрикат **tš**, **ʰx**. Аффрикаты данного говора схожи с аффрикатами халхаского, цонгольского, ойратского говоров, а также говора монголов из Внутренней Монголии. Аффриката произносится при образовании глаголов в окончаниях *-ч, -чих*, но не является схожей с *-ч* в словах типа: *чулуу, ачаа, ач, чарга, чоно* и др.:

Түнхэн: *tābari martātšòb*.

Санага: *nād zahādān xetštšòhòmdā*.

Дорнод: *tābari martažix'òb*.

Дорнод: *nād zahadan xežix'òhòmdā*.

Халх: *òn'soy martatšixsandā*.

Халх: *nād dzaxdān xitšixsэндē*.

Вариант **ʰx** используется перед отрицанием *үгүй*, интересно отметить,

что схожее произношение можно обнаружить и в языке монголов из Внутренней Монголии: **Түнх:** *xeleʰxī /хэлэхгүй/, jawaʰxī /явахгүй/, medeʰxī /мэдэхгүй/; **Өвөр Монгол:** *xeləxūweī, jawaxūweī, medəxūweī*;*

б) в области морфологии: отличие в окончаниях некоторых падежей, например в окончании родительного падежа *-i: yali soy, xīni xūwūŋ, būni zamaγ*. Если слово оканчивается на *-g /-γ*, то меняется на *-j*, например, *seseji del' bē, zasaji belēg*. А дорнодские буряты произносят: *yalae soy, xūnei xūwūŋ, būyae zamaγ, sesegei del' bē* и т. д.

В словах на *-d*, которые исторически оканчивались на *-s*, окончание в орудном падеже имеет вариант *-haar /-oor /-heer: orodorohòr zugālnad, zed zehēr jaxašnad*.

Если в говоре дорнодских бурят аффикс совместного падежа имеет форму *-tae, -tei, -toe*, то в говоре санагинских бурят он имеет форму *-tī*, например: *xamtī jāba, mòr 'tī xūŋ, noxoeit' āēl*;

в) в лексике санагинских и дорнодских бурят наблюдаются существенные различия, например:

Халх:	эж аав	өлгий
Дорнод:	awa ežī	ulgei
Түн., Са:	bābae iwī	uŋwē
Халх:	нуруулдсан өвс	өмхий
Дорнод:	huŋi	хүрэн
Түн., Са:	somò	xūŋne
		huiner.

Анализ полевых материалов показывает, что в языке тункинских, санагинских бурят сохранились элементы средневекового монгольского языка.

Отчет научной экспедиции 1977 г., работавшей в Селенгинском аймаке.

Целью данной экспедиции был сбор материалов по бурятским говорам для одноименного научного труда «Диалекты Монголии». Из-за нехватки материалов по селенгинскому говору научная экспедиция работала в госхозах Худэр, Ероо, Алтанбулаг, Шаамар, Дархан сум Селенгинского аймака и в самом районном центре. Из проживающих в этих госхозах

бурят – представителей цонгольского, ашебагатского и харанутского родов преобладающее большинство составляют цонголы. Житель районного центра, информант 58-летний Юндэн Дорж рассказывал: «Цонголо-буряты имели 9 родов. К ним относятся *цонгол, харнуд, авгад, амбагад, булган харнуд, атаган цонгол*. Я знаю эти шесть родов, а остальные забыл». Еще он говорил: «Цонголы Кударинской стороны – это жинхэнэ цонгол, а Селенгинской стороны – атаган цонголы». Монголовед Ц. Б. Будаев подразделяет цонголов России на: 1) урлут цонгол и урлуутэн; 2) эндээ цонгол и эндээтэн; 3) ухиа наймантан; 4) урянхат; 5) батад; 6) ашавгад; 7) абагат; 8) шарнуд; 9) номоход; 10) [Ш]; 11) хамниган; 12) очарцуудтан; 13) ? 14) ? 15) амалайтан; 16) настан; 17) хурбэтэн; 18) самбилтан; 19) бунитан; 20) далайтан и т. д. и отмечает, что цонголы состоят из более чем 20 родов [1, с. 152]. Эти цонголы являются «выходцами из Тушету-хановского аймака Монголии, обосновавшимися в Прибайкалье, и являются представителями цонгольского, хатагинского и удзонского родов» [2, с. 101]. Подтверждением данного исторического факта является рукопись «Происхождение рода цонгол», в которой написано: «В 1696 году из Тушету-хановского аймака перекочевали около 150 человек, возглавляемых Ухин-зайсаном. Они были монголами цонгольского, хорчинского и юншиэбу родов» [3, с. 153]. По этим данным цонголы, проживающие в России, являются людьми, переселившимися в конце 17 в. из Монголии. Мы должны разобраться в том, являются ли цонголы, проживающие в Селенгинском аймаке Монголии, предками цонголо-бурят, переселившихся в пределы России? Наши пожилые информанты утверждают, что цонголо-буряты из Худэр, Ероо, Алтанбулага переселились из-за границы еще до революции 1921 г. и после нее, поэтому цонголо-буряты действительно являются выходцами из Монголии, переселившимися за пределы ее и отделившимися от цонгольского, абагатского и

еншов родов и вернувшимися обратно в Монголию. По предварительным наблюдениям, нет различий между цонгольским, ашебагатским и харнудским говорами. Такая обособленность связана с родоплеменными особенностями. Изначально, наверное, были какие-то различия. Учитывая происхождение, современное состояние, цель исследования, собранный материал можно рассматривать следующим образом.

Во-первых, нужно сравнивать материалы цонгольского говора с данными монгольского письменного языка. Таким путем можно определить отношение цонгольского говора к письменному языку.

Во-вторых, сравнивая языковой материал носителей цонгольского говора, проживающих за границей, с языковым материалом носителей цонгольского говора Монголии, можно определить степень процесса халхаизации цонгольского говора и степень влияния на говор литературного монгольского языка.

В-третьих, собранный в 1976 г. в Хубсугульском, Булаганском аймаках материал необходимо сравнить с материалами языка санагинских тункинских бурят. Таким путем по схожим чертам территориально близких цонгольского, тункинского, санагинского говоров определить принадлежность говоров к той или иной группе. В таком случае подтвердится наше предположение о том, что цонгольский говор является подгруппом селенгинского диалекта.

В-четвертых, также можно сравнить цонгольский говор с говорами хоринских и агинских бурят. В результате чего можно считать, что говор бурят Монголии – своеобразное языковое объединение представителей разных родоплеменных групп. Также можно выявить, какой из этих бурятских говоров наиболее близок к халхаскому наречию.

Учитывая данные моменты, приходим к следующим предварительным выводам:

1. Цонгольский говор является наиболее отдаленным от старописьменного монгольского языка и от других бурятских говоров Монголии, например:

<i>Монг.</i>	<i>Орч. цаг утга</i>	<i>Цонгоол бу-</i>
<i>бич</i>		<i>риаd</i>
naḡan	naḡan – нар	naḡa
oḡun	oḡon – од	oḡo
eḡüden	üden – үүд	üde
öndügen	öndögön – өндөг	öndög.

2. Считают, что из говоров бурят, проживающих за границей, наиболее близок к современному монгольскому языку говор цонголов и сартулов. Следует отметить, что говор цонголов, проживающих в Монголии, в отличие от говора цонголов, проживающих за границей, и других бурятских говоров наиболее халхаизирован. Это связано с тем, что цонголо-буряты Монголии жили небольшими группами разбросанно и вели кочевой образ жизни. Ныне в госхозе Ероо сум проживает 4–5 семей цонголо-бурят. Из них люди моложе 50 лет говорят на халхаском наречии, а говор 60-летних – промежуточный халхаизированный бурятский говор. Например, в распространенной цонголо-бурятской песне, состоящей из 18 строк и 61 слова, употреблены два бурятских слова – *хайсанхан халтар, харахан зурх*, а все остальные слова халхамонгольские.

Носители цонгольского говора произносят следующие слова тункинского говора с *h* через *s*: *hülga* ' (суулга), *hüxe* (сүх). Причем *s* данного говора не является звуком чисто халхаского наречия, а представляет собой мягкий придыхательный звук *s'* [IV].

3. В говоре тункинских бурят и цонголо-бурят некоторые согласные сильно палатализованы, например, *nüd, nürḡan, ar'x'i* и др. По конкретным примерам, по близости территорий, по некоторым схожим языковым признакам можно предположить, что эти говоры являются подговорами селенгинского диалекта.

Дальнейшей нашей задачей является

выявление отличий цонгольского говора от хоринского и агинского говоров.

Таким образом, следует отметить, что из всех бурятских говоров Монголии литературному монгольскому языку и халхаскому наречию наиболее близок халхаизированный цонгольский говор.

У цонголо-бурят имеется много песен, тематика которых отражает исторические явления начального этапа революции, песни о партии, о союзе, о Сухэ-Баторе. Считаем, что эти песни представляют собой ценный материал и редкое явление устного народного творчества бурят Монголии [V].

Научная экспедиция 1977 г., работавшая в Хэнтэйском, Дорнодском аймаках [VI].

Для сбора материала по разделу научного труда «Территориальные диалекты Монголии» с сентября по октябрь 1977 г. экспедиция работала в сомонах Батширээт, Дадал, Биндэр Хэнтэйского аймака, Баян-Уул, Баяндун, Дашбалбар, Цагаан-Овоо Дорнодского аймака.

В данных сомонах, где работала экспедиция, проживают представители агинского, хоринского, хамниганского и цонгольского родов.

По предварительным данным, в сомонах Батширээт, Дадал, Норовлин, Биндэр Хэнтэйского аймака проживают потомки 11 хоринских родов, а в Баян-Ууле, Баяндуне, Дашбалбаре, Цагаан-Овоо Дорнодского аймака проживают потомки 8 агинских родов. По звуковому строю (особенно в области фонетики, в грамматике очень мало отличий) можно считать данный говор агинско-хоринским подговором.

Употребляющийся редко в начале и в середине некоторых твердоядных и мягкорядных слов фрикативный *s* монгольского письменного языка произносится в этих говорах как заднеязычный гортанный. Согласный *s* превращается в придыхательный гортанный *h*, например, *saragul* > *саруул* > *harúl*, *sonin* > *сонин* > *honin*, *süke* > *сүх* > *hüxe*, *serege* > *сэрээ* > *heré* и др.

Не все слова письменного языка с *s* произносятся через *h*. Например, *sansar*, *küsel*, *asüx*, *zas*.

Есть случаи, когда *s*, употребляемый в середине и в конце слов монгольского письменного языка, произносится через переднеязычный *d*. Например, *зэс* – *zed*, *улс* – *ulad*, *бөс* – *böd*.

Согласные письменного монгольского языка *j*, *č* произносятся как фрикативные *z*, *ž*, *s*, *š*. В речи молодежи *z*, *ž* > *dz*, *dž*: *ažil* > *ažil* > *adžil*, *čidal* > *šadal*, *čečeg* > *seseg*.

Согласный *č* письменного монгольского языка перед гласным *i* произносится как фрикативный *š*: *čisun* – *šuha*, *bičiqan* – *bišixan*.

Согласный *g* письменного языка перед гласным *i* произносится как *j*: *orgil* – *orjel*, *songgino* – *hoñjino*.

Сочетание согласных *ng+n* сохранило форму письменного языка, например, *engne* – *ehné* – эгнээ, *cingna* – *šajna* – чагна.

Гласный *i* письменного языка в ударном слоге с последующим гласным огубляется, расширяется и смягчает предыдущий согласный, например, *nidiin* – *nüde* – нүд, *miqan* – *maxa* – мах, *ničügen* – *nüsgen* – нүцгэн.

Следует подвергнуть сомнению слова некоторых ученых о том, что гласный *o* в бурятских говорах монгольского языка в ударном и в других слогах не встречается, например, *čidür* – *šodor* – чөдөр, *čidkür* – *šotxor* – *šüdxer* – чөтгөр, *öndür* – *ündür* – өндөр.

Опереденный *ü* письменного монгольского языка в первом слоге произносится через *i*, например, *bülekü* – *bilex* – бүлэх, *büse* – *bihe* – бүс.

В середине слова после сильного согласного интервокальный *y* произносится как *x*, например: *totuγ-a* – *totoxo* – *тотго*, *quγarqai* – *хихарха* – *хугархай*.

В лексике бурятских говоров употребляются слова, обозначающие названия столярных и плотницких инструментов, но отсутствующие в литературном языке. Например, *бахь* – *xazür*, *гударга* – *üšpünte*, *жижиг харуул* – *zotγoló xarul*,

жижиг сүх – *тупа*, *нарийн хөрөө* – *ewé xóró*, *том өрөм* – *sündrūw* – *sümdürü*, *том хөрөө* – *zusγar xoro*, *тэгш ус*, *тэгшлүүр* – *γurwin*, *цүүц* – *hü'üše*, *эв нийлүүлж мод гаж гаргадаг харуул* – *puγái*.

Поскольку буряты в быту пользуются телегами и санями, то в их лексике встречаются своеобразные самобытные термины, например, *тохрой* – *хоёр дугуйт модон тэрэг* ‘деревянная телега с двумя колесами’, *džoró tereg* – *дөрвөн дугуйтай хоёр үхэр хөллөдөг модон тэрэг* ‘деревянная телега с четырьмя колесами, запряженная двумя коровами’, *odiór* – *арал* ‘оглобля’, *šizólxo* – *эмээл* ‘седло’, *arma* – *тэвш* ‘корыто’.

Выводы:

Предварительное исследование бурятских говоров, выполненное научными экспедициями предыдущих поколений ученых, подтверждает существующее мнение о том, что говоры бурят Монголии делятся на онон-улзинский, эг-уринский, селенгинский и хамниганско-баргутский говоры. Данное предположение не утратило своей актуальности и в наши дни. Состав слова, структура, формы исконных слов, словообразование в бурятских говорах являются общемонгольскими, но лексический фонд отличается исконно бурятскими словами, отражающими традиции, обычаи, мышление, мировоззрение и образ жизни этноса.

Хотя научные экспедиции Института языка и литературы Академии наук Монголии неоднократно выезжали для исследования говора бурят, проживающих в Монголии, и издавались научные труды, материалы по бурятским говорам [4–9], все же собранные полевые материалы до сих пор не введены в научный оборот и не стали достоянием общественности. Данные материалы хранятся в Фонде национальной письменности и фольклорного наследия Института языка и литературы. Предполагаем, что собранные научными экспедициями 1976 г. по Хубсугульскому, Булганскому аймакам, 1977 г. – по Хэнтэйскому и Дорнодскому аймакам полевые материалы по лексике бурятских говоров и многочисленные сведения,

связанные с культурой бурятского этноса, хранятся в нетронутном виде.

Следует заметить, что бурятские говоры периода второй половины 80-х гг. и до наших дней (не считая некоторые работы 1–2 ученых) не изучались, поэтому в ближайшие годы нам предсто-

ит изучить данные говоры, опираясь на проведенные исследования и собранные материалы, выявить произошедшие в последние десятилетия изменения в языке носителей и определить дальнейшие пути развития этих говоров.

Примечания

I. Данный материал хранится в Фонде национальной письменности и фольклорного наследия (папка № 7) Института языка и литературы.

II. Данный материал хранится в Фонде национальной письменности и фольклорного наследия (папка № 13) Института языка и литературы. Собранные материалы, включая лингвистические, фольклорные записи, фотографии, составляют 152 стр. В состав экспедиционной группы входили Ж. Цолоо, Д. Олзийбаяр, Г. Гантогтох, водитель Батхуяг.

III. В отчете эта часть отсутствует.

IV. Возможно, этот звук восходит к старописьменному монгольскому языку или подвергся влиянию особого придыхательного согласного.

V. В папке содержатся материалы по фольклору цонгол-бурят (32 стр.).

VI. Материалы экспедиции хранятся в Фонде национальной письменности и фольклорного наследия (папка № 297) Института языка и литературы. В состав группы входили Ж. Цолоо, Ж. Сэржээ, Г. Гантогтох. Ж. Цолоо собрал материалы по лексике бурятского говора, Ж. Сэржээ – по фонетике, Г. Гантогтох – по морфологии. Всего 154 стр.

Литература

1. Будаев Ц. Б. Исследование бурятских говоров. Вып. I. – Улан-Удэ, 1965.
2. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ, 1954. – 574 с.
3. Пучковский Л. С. Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения. – М.; Л., 1957.
4. Буриад аялгууны толь. – Улаанбаатар, 2010.
5. Буриад аялгууны үгийн сангийн онцлог / Дэд докторын диссертаци. – Улаанбаатар, 1993.
6. Гантогтох Г. Монгол бичгийн хэл хийгээд Монгол дахь буриад аялгуу. – Улан-Удэ, 1993.
7. Сумъяабаатар Б. Буриадын угийн бичээс. – Улаанбаатар, 1967.
8. Цолоо Ж. Монгол хэлний нутгийн аялгуу. Т. I. Үгийн сан. – Улаанбаатар, 1997.
9. Цолоо Ж., Рэгзэндорж Р. Монгол улсын буриад – монголчууд. – Улаанбаатар, 2005.